

ВОЕННЫЕ ТАЙНЫ РОССИИ

А.Б. Широкоград

ЧЕТЫРЕ ТРАГЕДИИ
КРЫМА

Александр Борисович Широкоград

Четыре трагедии Крыма

Серия «Военные тайны России»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14655088

Четыре трагедии Крыма / А.Б. Широкоград.: Вече; Москва; 2006

ISBN 5-9533-1404-3, 978-5-4444-8144-8

Аннотация

Проблема Крыма за последние 15 лет стала крайне актуальна для населения нашей страны. Военный историк А.Б. Широкоград в своей книге обращается к прошлому и настоящему этой древней земли, пытаясь ответить на ряд принципиальных вопросов. А вопросов этих немало. Когда и как русские появились в Крыму? Как возникло Крымское ханство и почему его ликвидация стала вопросом жизни и смерти для России? Почему Россия проиграла Крымскую войну? Что происходило в Крыму во время Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны? Почему был сдан Крым в 1941–1942 годах и что происходило там во время оккупации? Как Крым для россиян оказался «за границей»? Как происходил раздел Черноморского флота и каковы перспективы развития ситуации в Крыму в контексте российско-украинских отношений?

Содержание

Раздел I	4
Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	51
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Александр Широкоград

Четыре трагедии Крыма

Раздел I

От Тмутаракани до Крымской войны

Глава 1

Русский остров в русском море

Взглянув на карту Черного моря, мы сразу же заметим два главных стратегических пункта – пролив Босфор и полуостров Крым. Все остальные стратегические пункты имеют лишь третьестепенное значение, как, например, устья рек Дуная, Днестра, Днепра и Дона.

А, кстати, почему Черное море называется Черным? Первое дошедшее до нас название этого моря – Понт Аксинсинский, то есть Море Негостеприимное. Так его называли греки в VI веке до н. э. Любопытно, что во III вв. до н. э. Черное море греки называли уже Понт Эвксинский, то есть Море Гостеприимное.

А вот арабы в VIII–XI веках называли море Русским. Тут надо напомнить, что тогда арабы считались лучшими мореходами мира и в области географии на несколько веков опередили страны Западной Европы. Арабские источники не делают тайны из этого названия – флотилии русов в IX веке доминировали на этом море.

И тут возникают новые вопросы: откуда взялись флотилии русов, почему о них ничего не написано в школьных учебниках и, наконец, вообще кто такие русы и откуда они взялись?

Как гласит «Повесть временных лет»: в лето 6370¹ от сотворения мира пошли кровавые свары у северных славян. «И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англй, а еще иные готладцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Бело-озере, а третий, Трувор, – в Изборске...

...И от тех варяг прозвалась Русская земля. Новгородцы

¹ 862 год от Рождества Христова.

же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Бело-озеро. Варяги в этих городах – находники, а первые поселенцы в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Бело-озере – весь, в Муроме – мурома, и теми всеми правил Рюрик. И было у него два мужа, не родичи его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: “Чей это городок?”» Тамошние же жители ответили: “Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хозарам”. Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землею полян. Рюрик же тогда княжил в Новгороде»².

Вот так описано становление государственности на Руси в «Повести временных лет». Поскольку, кроме летописи, никаких других данных о призвании Рюрика нет, то по сему поводу отечественные историки уже два столетия ведут жестокую войну между собой. Тех, кто поверил летописи, окрестили норманистами, а историков, считавших, что призвание варягов – вымысел и князь Рюрик – мифологический

² Повесть временных лет // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969. С. 35.

персонаж, соответственно, стали звать антинорманистами³.

И тут новая загадка – а кто такие варяги? У нас принято отождествлять варягов с викингами – скандинавскими разбойниками. В VIII–X веках викинги (норманны) наводили ужас не только на побережье северной Европы, но и на весь средиземноморский бассейн. В IX веке корабли викингов достигли Исландии, а в X веке – Гренландии и полуострова Лабрадор. Вожди викингов – конунги – захватывали земли в Западной Европе и зачастую оседали там, становились князьями, графами и даже королями.

Немного в ином качестве викинги появлялись в землях восточных славян за несколько десятилетий до явления туда Рюрика. Набеги на земли славян и грабежи, безусловно, имели место, но не были основным видом деятельности викингов. Здесь они чаще всего выступали в роли купцов и наемников.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный, но сравнительно легкий путь. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам было гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением.

³ Подробнее о приходе на Русь Рюрика и спорах историков см.: Широкопад А.Б. Дипломатия и войны князей от Рюрика до Ивана Грозного. М.: Вече, 2006.

ем, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Поэтому славяне и называли викингов варягами. Варяг – это искаженное норманнское слово «Vaeriniar», а норманны позаимствовали это слово от греческого «joisegatoi», означающего «союзники», а точнее – наемные воины-союзники. Замечу, что среди скандинавских племен не было никаких варягов и ни один народ Западной Европы не называл так норманнов. Итак, слово «варяг» отражает специфику славяно-норманнских отношений.

А что это за «русь», которую по летописи привел Рюрик? Некоторые историки связывают слово «рос» – «рус» с географической и этнической терминологией Поднепровья, Галиции и Волыни и утверждают, что именно там существовал народ рос, или русь. Но, увы, эта версия не соответствует ни летописям, ни фактам. Автор придерживается мнения тех историков, которые полагают, что слово «русь» близко к финскому слову «routsi», что означает «гребцы» или «плавание на гребных судах». Отсюда следует, что русью перво-

начально называлось не какое-то племя, а двигающаяся по воде дружина. Кстати, и византиец Симеон Логофет писал, что слово «рус» – «русь» происходит от слова «корабль».

Итак, поначалу славяне и византийцы называли русью дружины норманнов и славян, передвигающиеся на гребных судах. Через несколько десятилетий это слово стало ассоциироваться с дружиной киевского князя, а затем – с его владениями и его подданными.

В IX–XI веках многие десятки отрядов норманнов (варягов) приезжали на Русь, часть из них следовала без остановки по знаменитому пути «из варяг в греки», а часть нанималась на службу к русским князьям. Прослужив какое-то время, часть из них возвращалась в Скандинавию, а многих привлекали полноводные реки, могучие леса, красивые славянские девушки, и они оставались, чтобы вместе с местным населением рубить города и громить врагов. Они-то и стали, неважно, в какой пропорции, основой великого народа русского.

Варяги, осевшие на Руси, как правило, обрусевали уже во втором поколении. Для нового поколения русский язык был родным, да и имена у них были славянские. Увы, до нас не дошли семейные предания обрусевших варягов. Но мы можем это понять на многих примерах служилых немцев, шотландцев и др. в Москве в XVI–XVIII веках. Вот, к примеру, при царе Алексее Михайловиче в Москву приехал служить немец Цыклер, а его сын Иван настолько обрусел, что участ-

вовал в бунте против Петра и введения немецких порядков, за что и был казнен царем.

Если норманны и превосходили славян в военном искусстве, то в остальном они стояли на более низком уровне развития и быстро перенимали элементы славянской культуры. Норманны в Византии и Западной Европе довольно быстро меняли свою религию на христианство, а в Новгороде и Киеве – на славянских богов. Кстати, пантеоны скандинавских и наших богов были довольно схожи. В договорах с Византией варяжский князь Олег, ближайший сподвижник Рюрика, клянется не скандинавскими богами Одинем и Тором, а славянскими Перуном и Велесом.

Невысокий культурный уровень варягов-норманнов и их быстрая ассимиляция дали мощные козыри в руки историкам-антинорманистам. С последними можно согласиться в том, что варяги практически не оказали никакого влияния на быт, обычаи, культуру, религию и язык славян. Однако в политике и особенно в военной истории славян варяги сыграли весьма существенную роль.

Таким образом, Русь VIII–IX веков – это смешанные отряды воинов, состоявшие в самых разных пропорциях из этнических скандинавов и этнических славян. То же самое можно сказать и о купцах-русах. Кстати, у русов часто было, что воин становился купцом и наоборот. К X веку норманны практически ассимилируются со славянами, и теперь все славяне считают себя русскими. Разумеется, я привел здесь

лишь упрощенную схему становления русского народа. На самом деле все было намного сложнее. Но в эту схему гармонично укладываются все дошедшие до нас письменные свидетельства современников о руссах, все новейшие археологические находки и т. д.

Почему же тогда наши официальные историки не придерживаются этой схемы? Ответ до предела прост – наши историки всегда выполняют социальный заказ – то царей, то генсеков, а теперь «всенародноизбранных».

Официальные царские историки были «примитивными норманистами». Им был нужен сам Рюрик, от которого пошла династия киевских князей, а затем род Ивана Калиты и множество самых знатных княжеских родов Российской империи. А вот славяно-скандинавская Русь была им попросту не нужна, и о ней забыли.

Большевикам не было нужды и в конуге Рюрике, и они поддерживали историков-антинорманистов. Но поскольку у тех в истории IX – X веков вообще концы с концами не сходились, то в советское время некоторым историкам было позволено использовать и «примитивно-норманистскую» концепцию.

Раскопки варяжских курганов под Новгородом («Рюриково городище»), в Гнездово под Смоленском, в Старой Ладоге, в Угличском кремле, в Тимерево (под Ярославлем) и др. привели к обнаружению большого числа захоронений викингов, их оружия и других предметов. Это подтверждает

сведения арабских и византийских историков о многочисленных походах русов по Днепру, Русскому морю, Волге, Каспию и т. д.

Таким образом, в IX – X веках далеко не все русы подчинялись киевским князьям. Например, ни Рюрик, ни Олег, ни Игорь не владели Волгой, а вот русы контролировали весь Волжский торговый путь.

Итак, разобравшись с вопросом, кто такие русы, мы можем перейти к истории Крыма. Первые греческие поселения появились на северном побережье Черного моря в VI веке до н. э. Однако академик Н.Я. Марр, рассматривая цикл мифов, связанных с Понтом, считал вполне возможным, что греки впервые посетили Черное море еще в середине II тысячелетия до н. э.

Возьмем, к примеру, миф об аргонавтах. За 79 лет до начала Троянской войны Язон, сын царя Фессалии Эсона, снарядил корабль «Арго» и с 56 спутниками отправился в Черное море. Достигнув Колхиды, аргонавты при помощи Медеи, дочери колхидского царя, захватили золотое руно – главное сокровище колхов. Золотое руно – это шкура волшебного барана с золотой шерстью, но ценность ее заключалась не в золоте, а в том, что она была предметом религиозного культа.

Троянскую войну археологи датируют XIII–XII веками до н. э. Значит, путешествие аргонавтов можно отнести к XIV – последней четверти XIII веков до н. э.

Так или иначе, но к V–IV векам до н. э. в Крыму уже существовало несколько греческих городов, наиболее крупными из которых были Херсонес, Пантикапей (Керчь) и Феодосия.

В I веке н. э. на Южном берегу Крыма появляются римские гарнизоны, а греческие города становятся союзниками Рима, а позже – Византии.

В конце III – начале IV веков начинается интенсивное переселение племен и народов в Европе, которое продолжалось несколько столетий. В историю оно вошло как «Великое переселение народов».

В III веке н. э. в Крым вторгаются племена готов (ветвь германских племен), а в IV веке – гуннов. Замечу, и тем и другим не удалось покорить ни греческий город Херсонес, ни горный Крым. Вскоре гунны уходят из Крыма.

В начале VI века началось массовое вторжение славянских племен на территорию Византийской империи. Славяне в 540-м, 547-м, 549-м, 550-м и 556 годах переходили Дунай и опустошали Иллирию, Фракию и все земли от Ионического моря до Константинополя. Несколько раз в VI веке славяне вторгались в Крым и осаждали, правда, безуспешно, Херсонес. Значительная часть славян осталась на полуострове и слилась с местным населением – потомками скифов, готов и гуннов.

В VII веке на Каспии, а затем и на Черном море появляется народ рус (русь). Впервые в арабских источниках русы упоминаются под 643 годом в тексте договора арабов с пра-

вителем Дербента. Арабы освободили его от уплаты дани, а взамен он брал обязательство охранять Дербентский проход от северных народов, в числе которых назывались и «русы».

Арабские историки IX–XI веков много пишут о так называемом острове русов, откуда они совершали грабительские походы. В монументальном труде «Древняя Русь в свете зарубежных источников» говорится: «Споры о местонахождении “острова русов” начались еще в прошлом веке и породили огромную историографию, на которую к тому же определенное влияние оказала полемика между норманистами и их оппонентами. Специалисты-востоковеды (Х.Д. Френ, Ф. Шармуа, В.Р. Розен, Ф. Вестберг, В.В. Бартольд, А.П. Новосельцев и другие) помещали его на севере Европы – в Скандинавии, в районе Новгорода, на Верхней Волге. К такому выводу их подталкивал не только анализ самих сообщений об “острове русов”, но и вся совокупность ранних данных о русах в мусульманской литературе, указывающая на их северное происхождение. Иной точки зрения придерживались исследователи-невостоковеды (А.Д. Чертков, Е.Е. Голубинский, Г.В. Вернадский, Б.А. Рыбаков и др.), предлагавшие искать “остров русов” не на севере, а на юге Восточной Европы – в Киеве, в Тмутаракани, в Крыму, в дельте Дуная»⁴.

На мой взгляд, наиболее вероятным представляется нахождение «острова русов» на территории будущего Тмутара-

⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос. 2003. С. 212.

каньского княжества. Кстати, арабские географы часто именовали Керченский пролив «устьем реки русов», считая пролив как бы продолжением реки Дон (реки русов).

Любопытно, что поначалу арабы именовали Черное море «бахр Бунтус», то есть море Бунтус, происходящее от греческого слова Понт (Понтус), однако позже арабы начинают называть его бахр ар Рус, то есть Русское море. Причем арабские географы различали русов и варягов, так, арабский ученый Бируни упоминает бахр Варанк – море Варяжское, то есть Балтийское море. Арабский историк Ал-Масуди, которого заслуженно называли «арабским Геродотом», писал: «... Море Нейтус (Понтус) есть море русов; никто, кроме них, не плавает по нему. А они (русы) живут на одном из его берегов. Они – великий языческий народ, не повинующийся ни царю, ни шариату. Между ними есть купцы, посещающие царство Булгар (вариант): город моря болгар»⁵.

Первые достоверные упоминания о нападении русов на византийские города датируются не позднее 842 г.⁶

18 июня 860 г. войско русов внезапно появилось под Константинополем. Русы под началом князя – Аскольда – приплыли на двухстах судах по Черному морю в Босфор из устья Днепра.

⁵ Цит. по: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М.: Наука, 1993. С. 346.

⁶ Жития Георгия Амастридского / Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 91

Взять Константинополь тогда русам не удалось, но они страшно опустошили окрестности византийской столицы, включая Принцевы острова в Мраморном море, и 25 июня отправились восвояси.

В 964–966 гг. киевский князь Святослав совершил большой поход на Волгу и в Хазарию. Как писал академик Б.А. Рыбаков: «русские войска воевали в Волжской Болгарии, в земле Буртасов и в Хазарии, где взяли Итиль и древнюю столицу каганата – Семендер на Каспийском море. Затем были покорены народы Северного Кавказа – ясы (осетины) и касоги (адыгские племена). Поход был закончен на Таманском полуострове, который с этого времени стал русской Тмутараканью»⁷.

Ряд историков считает, что русское Тмутараканьское княжество возникло не при Святославе, а при его сыне Владимире. Как бы то ни было, но в конце X века обе стороны Керченского пролива принадлежали киевским князьям. При этом русские князья опирались в Тмутараканьском княжестве не столько на свои гарнизоны, сколько на местное русское население.

Не лишены интереса и летописные сведения об осаде в 988 г. князем Владимиром Херсонеса, который удалось взять только с помощью его жителей, раскрывших русским секрет обороны города.

Князь Владимир посадил наместником в Тмутаракань-

⁷ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 376—377.

ском княжестве своего сына Мстислава. Считается, что развалины города Тмутаракани расположены у станции Тамань на Таманском полуострове. Там найдены остатки каменных стен и по крайней мере двух христианских храмов. Один из них – это церковь Богородицы, построенная в 1023 г. князем Мстиславом Владимировичем.

Точная граница Тмутараканьского княжества в Крыму составляет предмет спора современных историков. Вполне возможно, в его состав входили и земли за пределами Керченского полуострова. Так, на холме Тепсель близ современного поселка Планерное в Крыму археологи обнаружили славянское поселение XII–III веков. Отрытый на холме христианский храм по своему плану близок к храмам Киевской Руси⁸.

15 июля 1015 г. князь Владимир Красное Солнышко скончался. Его многочисленные сыновья начинают большую усобицу⁹. Мстислав Тмутараканьский поначалу держит нейтралитет в войне. Но, разделившись с другими братьями, Ярослав Мудрый в 1023 г. идет войной на Мстислава. В ходе кровопролитной битвы у города Листвена Мстислав наголову разбил дружину Ярослава, состоявшую в основном из варяжских наемников. В конце концов братья разделили Русь

⁸ Дюличев В.П. Рассказы по истории Крыма. Симферополь: Бизнес-информ, 1998. С. 115—116.

⁹ Подробнее об этом см.: Широкопад А.Б. Дипломатия и войны князей от Рюрика до Ивана Грозного. М.: Вече, 2006.

скую землю по Днепру, как хотел Мстислав. Он взял себе восточную сторону с главным столом в Чернигове, а Ярослав – западную сторону с Киевом. «И начали жить мирно, в братолюбстве, перестала усобица и мятеж, и была тишина великая в Земле», – говорит летописец.

В 1036 г. князь Мстислав Владимирович умер, не оставив наследника. Поэтому все его земли попали под власть брата Ярослава. Тмутараканьское княжество вошло в состав Черниговского княжества.

Последовавшая за смертью Ярослава Мудрого усобица не обошла и Тмутаракани, которая то становилась независимой, то вновь попадала под власть черниговских князей. После 1094 г. Тмутаракань в русских летописях не упоминается. Примерно в это время княжество было захвачено половцами.

Глава 2

Как Таврида стала татарским Крымом

Первый набег на Тавриду (Крым) татары совершили в 1223 г. в ходе похода темника Субэдэя против половцев. Тогда дело ограничилось разграблением Судака (Сугдеи).

При Батые татары произвели еще несколько набегов – в 1238-м, 1248-м и 1249 годах. В конце концов татары подчинили себе Судак, обложили его данью и посадили туда наместника. А в Солхате (Старый Крым) во второй половине XIII века обосновалась татарская администрация, город же татары переименовали в Кырым. В XIV веке название города Кырым перешло постепенно на весь полуостров Таврида. С конца XIII происходит исламизация татарского населения Крыма.

Поначалу татарское влияние ограничивалось лишь Восточным Крымом, причем зависимость от татар не шла дальше выплаты дани, поскольку татары кочевники еще были не в состоянии экономически господствовать в жизни края.

На юге полуострова по-прежнему существуют венецианские и генуэзские города-колонии, возникшие еще в начале XIII века в связи с захватом в 1204 г. Константинополя крестоносцами.

Между итальянцами и татарами неоднократно возникали конфликты, но в целом улусские эмиры терпели поражение. С одной стороны, прибрежные города-крепости были хорошо укреплены и могли получать подкрепление с моря, а с другой стороны, торговля с итальянцами приносила эмирам неплохие барыши, так зачем же резать курицу, несущую золотые яйца.

В 1292 г. между Венецией и Генуей началась семилетняя война, закончившаяся победой Генуи. В 1299 г. республики заключили «вечный мир», по которому единственным владельцем итальянских колоний в Крыму стала Генуя.

На Южном берегу Крыма татары впервые появились в 1299 г., когда орда хана Ногая¹⁰ разрушила Херсонес. В начале XIV века татары постепенно начинают оседать в Крыму. В это время в восточном (около Судака) и юго-западном районах Крыма появляются первые феодальные поместья полуседлой татарской знати – беев и мурз. И только в конце XVI века, а особенно в XVII–XVIII веках переход к оседлому земледелию у татар принял массовый характер. Процесс этот шел повсеместно как в Восточном, так и в Западном Крыму. В районе Бахчисарая еще на рубеже XIII–XIV веков возник татарский бейлик (вотчинное землевладение) бея из рода Яшлавских. Бейлик этот представлял собой полунезависимое княжество с центром в Кырк-ор (Чуфут-Кале).

В первой половине XV века Золотая Орда не только

¹⁰ Ногай считал себя ханом, хотя он и не был потомком Чингисхана.

фактически, но и формально перестала быть единым государством, распавшись на отдельные ханства, где утвердились собственные династии. Среди отдельных ханств был и Крымский улус Золотой Орды.

Основатель династии Гиреев Хаджи-Девлет Гирей родился в 20-х годах XV века в литовском замке Троки, куда бежали его родственники в ходе ордынских усобиц.

Хаджи Гирей был не то сыном, не то внуком золотоордынского хана Таш-Тимура. Сам Таш-Тимур был прямым потомком Тукой-Тимура, тринадцатого сына хана Джучи и внука Чингисхана. Поэтому впоследствии Гирей считали себя Чингизидами и претендовали на власть над всеми государствами, возникшими на развалинах Золотой Орды.

В Крыму Хаджи Гирей впервые появился в 1433 г. По мирному договору от 13 июля 1434 г. генуэзцы признали Хаджи Гирея крымским ханом. Однако через несколько месяцев ногайский хан Сейид-Ахмет выбил Гирея из Крыма. Гирей был вынужден бежать на «родину» в Литву. Там в 1443 г. он и был провозглашен крымским ханом. Затем при военной и финансовой поддержке великого литовского князя Казимира IV Гирей двинулся в Крым. Вновь став крымским ханом, Хаджи Гирей сделал своей столицей город Крым-Солхат. Но вскоре Сейид-Ахмет вновь изгнал Хаджи Гирея из Крыма. Окончательно Хаджи Гирей стал крымским ханом лишь в 1449 г.

В Крыму Хаджи Гирей основал новый город Бахчисарай

(«Дворец в садах»), ставший при его сыне Менгли Гирее новой столицей государства.

А между тем на другом краю Черного моря 29 мая 1453 г. турецкий султан Мехмед II взял Константинополь. Так окончательно пала Византия – наследница Римской империи. По приказу султана главный храм империи и всего православного мира – собор Святой Софии – был обращен в мечеть.

С момента своего восшествия на престол Мехмед II мечтал стать наследником Римской империи. Завоевание Константинополя материализовало его мечты. Как уверял Мехмеда греческий историк Георгий Трапезундский: «Никто не сомневается, что вы являетесь императором римлян. Тот, кто законно владеет столицей империи, тот и есть император, а Константинополь есть столица Римской империи». Мехмед II одновременно объявил себя Римским императором, наследником Августа и Константина, и падишахом, что по-персидски означает «тень бога на земле».

Еще до падения Константинополя греческая православная церковь приняла унию с католиками. Перед непосредственным нападением турок византийский патриарх Григорий Мамма бежал в Рим. Понятно, что, заключив унию, греческие иерархи надеялись на помощь Запада в борьбе с неверными. Однако ни римский папа, ни западноевропейские монархи ничем так и не помогли погибающей Византии.

Мехмед II решил использовать греческую церковь для ре-

шения своих внутренних и внешних проблем. По его приказу был сыскан среди пленных монах Геннадий Схоларий, который ранее возглавлял оппозицию унии с Римом. В январе 1454 г. Мехмед II возвел Геннадия в сан константинопольского патриарха. Причем султан взял на себя все функции византийских императоров по отношению к православной церкви. Султан лично преподнес Геннадию атрибуты, отличающие его сан, – мантии, пасторские принадлежности и новый позолоченный нагрудный крест из серебра взамен исчезнувшего старого. Затем Мехмед благословил Геннадия словами: «Будь патриархом со счастливой судьбой и будь уверен в нашей дружбе, сохраняя все привилегии, которые имели все патриархи до тебя».

Так в православной церкви стало сразу два патриарха – один в католическом Риме, а другой в Стамбуле.

А как отнеслись на Руси к падению Второго Рима? Начну с того, что Русь оказывала серьезную материальную помощь Византии в XIV и начале XV веков. Так, только в 1395–1396 гг. московский, тверской и другие русские князья отправили в Царьград огромную по тем временам сумму – 20 тысяч рублей. При этом не будем забывать, что в те годы Русь платила и огромную дань Золотой Орде.

Но в середине XV века денежный поток в Константинополь резко сократился. На Руси шла большая гражданская война. Вдова великого князя московского Василия I Дмитриевича Софья Витовтовна и ее сын Василий II воевали за

московский престол с братом Василия I Юрием Дмитриевичем и его сыновьями.

С 1448 г. московские князья сами начали ставить русских митрополитов, без санкции Константинополя. С 1480 г. Московское государство стало уже де-юре не зависимым от Золотой Орды.

И теперь Москва сумела ответить на идеологический вызов турецких султанов. Ведь султаны вполне серьезно считали себя повелителями всех мусульман, в том числе и в Крыму, Казани, Астрахани и даже в Касимове, под боком у Москвы. Бороться с идеологической агрессией только с помощью пушек было довольно бесперспективно, поэтому русские начали ответное идеологическое наступление под лозунгом «Москва – Третий Рим».

В окончательном варианте этот тезис прозвучал в послании монаха псковского Елизарова монастыря Филофея в 1514 г. к великому князю Василию III. Следуя тезису о богоустановленном единстве всего христианского мира, Филофей доказывал, что первым мировым центром был Рим старый, за ним Рим новый – Константинополь, а в последнее время на их месте стал Третий Рим – Москва. «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертого не бывать», – писал Филофей. Заметим, что Филофей знал, к кому обращаться. Мать Василия III София Палеолог была племянницей последнего византийского императора.

Филофей был не одинок. Одним из самых серьезных его

соавторов в идее Третьего Рима оказался... римский папа Лев X. Стоит привести дословно послание папы к Василию III, отправленное в 1517 г.: «Папа хочет великого князя и всех людей Русской земли принять в единение с римскою церковью, не умаляя и не переменяя их добрых обычаев и законов, хочет только подкрепить эти обычаи и законы и грамотою апостольскою утвердить и благословить. Церковь греческая не имеет главы; патриарх константинопольский в турецких руках; папа, зная, что на Москве есть духовнейший митрополит, хочет его возвысить, сделать патриархом, как был прежде константинопольский; а наияснейшего царя всея Руси хочет короновать христианским царем. А если великий князь захочет стоять за свою *отчизну* константинопольскую, то теперь ему для этого дорога и помощь готовы».

Итак, вопреки всем ненавистникам России первым овладеть Константинополем предложил римский папа. А по канонам католической церкви римский папа непогрешим, то есть не может ошибаться.

Надо ли говорить, что замена московского герба с Георгием Победоносцем на новый с двуглавым орлом была предложена исключительно для внешнего потребления, чтобы доказать, что Россия является Третьим Римом и наследницей Византии. Для Византии двуглавый орел означал раздел Римской империи на Западную и Восточную, а для России этот символ был довольно странным. Также для внешнего потребления Иван IV сам себя объявил царем (искаженное

от «цезарь»). В России никаких кесарей ранее не водилось, и власти Ивану от нового титула не убавилось, не прибавилось. Это тоже была претензия на византийское наследство.

Итак, к концу XVI века две великие империи – Россия и Порты, – еще не имея общей границы, стали великими антагонистами. Султан считал себя властелином миллионов русских подданных мусульман, а царь – защитником миллионов православных турецких подданных и владельцем константинопольской вотчины, которая по совместительству была султановой столицей.

Но мы забежали вперед, и сейчас придется вернуться в середину XV века. Став хозяином Босфора, султан Мехмед II, естественно, решил овладеть и всем Черным морем. Кстати, именно турки называли Русское море Черным, а, соответственно, Эгейское море турки называли Белым. Между прочим, в России в XVII – первой половине XIX веков Эгейское море также именовали Белым. У историков нет единого мнения, почему турки так называли оба моря. Одни утверждают, что это связано с цветом моря, другие считают, что черный и белый цвета у мусульман ассоциировались со сторонами света.

В 1461–1464 гг. султан Мехмед II захватил все черноморское побережье Малой Азии, включая города Синоп и Трапезунд. Затем настала очередь Крыма.

Глава 3

«Чтоб тебя крымская сабля посекала!»

По указаниям царей и генсеков наши ученые мужи обращались с отечественной историей, как с публичной девкой. Но независимо от них в народной памяти всегда оставались самые важные события. Так, еще в середине XIX века самым страшным ругательством малороссийских крестьян было: «Чтоб тебя крымская сабля посекала!»

А вот в советской исторической литературе истории Крыма с античных времен до XIII века посвящены десятки изданий, а по истории Крымского ханства не было издано ни единой книги до 1990 г. В изданиях же по русской истории авторы лишь вскользь касались Крымского ханства.

Это было связано как с депортацией крымских татар в 1944 г., так и с несоответствием истории ханства марксизму-ленинизму. Марксисты считали, что в Средние века существовало два класса – феодалы и крепостные крестьяне. Причем первые жили за счет непосильного труда вторых. Но Маркс утверждал это, имея в виду феодальные отношения в Западной Европе, а вот Ленин и К°, не мудрствуя лукаво, перенесли это положение на народы всего мира.

Когда говорят «феодализм», «капитализм», «социализм» и т. п., автоматически подразумевается, что основной способ производства – феодальный, капиталистический или, соот-

ветственно, социалистический. В Крымском же ханстве феодальный способ производства имел место, но он не приносил и половины валового дохода ханства. Основным же способом производства был грабеж соседей. Такой способ производства не описан Марксом по той простой причине, что подобных государств в Западной Европе в XIII–XIX веке вообще не было. Вот, к примеру, Швеция и Русь вели между собой почти два десятка больших и малых войн. В ходе боевых действий обе стороны жгли и грабили деревни, насиловали женщин, убивали мирных жителей. Но все это было побочными продуктами войны. Целью же войны было подписание мира, сопряженного с территориальными приобретениями, льготами в торговле и т. п. Средством достижения мира было уничтожение вооруженных сил неприятеля и взятие его крепостей. За несколькими годами войны между Швецией и Россией следовали лет 50 мира, а то и 100–200 лет. То же самое было и у других европейских государств, например, у Франции и Испании.

Крымские же татары совершали набеги на соседей практически ежегодно. Они никогда не осаждали крепостей и вообще не стремились к генеральным сражениям с основными силами противника. Их стратегическая и она же тактическая цель войны – награть и благополучно увезти награбленное. Регулярных войск крымские ханы практически не имели. Войско в поход собиралось из добровольцев. Как писал историк Д.И. Яровицкий: «Недостатков в таких охотни-

ках между татарами никогда не было, что зависело главным образом от трех причин: бедности татар, отвращения их к тяжелому физическому труду и фанатической ненависти к христианам, на которых они смотрели, как на собак, достойных всяческого презрения и беспощадного истребления»¹¹.

Историк Скальковский подсчитал, что общее число татар в XVIII веке в Крыму и ногайских степях составляло 560 тысяч человек обоего пола или 280 тысяч человек мужского пола. Историк Всеволод Коховский полагал, что крымский хан для больших походов в христианские земли поднимал почти треть всего мужского населения своей страны.

А в середине XVI века Девлет Гирей вел с собой на Русь и по 120 тысяч человек. Таким образом, в разбоях участвовали не крымские феодалы, как утверждали советские историки, а, собственно, все без исключения мужское население Крыма. Это, кстати, подтверждают запорожские и донские казаки, нападавшие на Крым во время походов хана на Россию. В Крыму они видели очень мало мужчин, кроме, разумеется, десятков тысяч рабов, угнанных из России, Украины, Польши и других стран.

Между прочим, Маркс и Энгельс не стеснялись называть крымских татар разбойниками. Но вот наши отечественные марксисты так и не решились выговорить это слово ни при Ленине, ни при Сталине, ни при Хрущеве.

¹¹ Яровицкий Д.И. История запорожских казаков. Киев: Наукова Думка, 1990. Т. 1. С. 322.

Татарские войска хорошо описаны французским военным инженером Г. де Бопланом, состоявшим с 1630 по 1648 г. на польской службе, и полковником Кристофом Манштейном, состоявшим в 1727–1742 гг. на русской службе. Обе книги были написаны во Франции и Германии, соответственно, то есть не подлежали цензуре польского и русского правительства и могут считаться сравнительно объективными источниками.

Зимой татары шли всегда более многочисленным войском, чем летом. Причиной этого, главным образом, было то, что летом татары не всегда могли скрыть следы движения свое конницы по высокой степной траве, не всегда успевали обмануть бдительность сторожевых казаков и, наконец, летом татары были менее свободны, чем зимой. Татары шли в поход всегда налегке: они не везли с собой ни обозов, ни тяжелой артиллерии. Повозок, запряженных лошадьми, татары не терпели даже у себя дома, обходясь в случае необходимости волами или верблюдами, совершенно непригодными для быстрых набегов на христианские земли. Татарские лошади, число которых доходило до двухсот тысяч голов, довольствовались степной травой даже в зимнее время, приученные добывать себе корм, разбивая снег копытом. Огнестрельного оружия татары не употребляли, предпочитая неверным выстрелам из ружей меткие выстрелы из луков. Стрелами же они так отлично владели, что, по словам очевидцев, могли попадать на всем скаку в неприятеля с шестидесяти и даже

со ста шагов. Зато лошадей в поход они брали значительно больше, чем какие-либо другие степные народы. Каждый татарин вел с собой в поход от трех до пяти коней, а все вместе – от 100 тысяч до 300 тысяч голов. Это объясняется, с одной стороны, тем, что часть лошадей шла татарам в пищу, а с другой стороны, тем, что всадники имели возможность заменять усталых лошадей свежими, что значительно увеличивало скорость передвижения войска.

В ходе подготовки к набегу татары запасались оружием, продовольствием, возможно большим количеством верховых лошадей. Татары очень легко одевались: рубаха из бумажной ткани, шаровары из нанки, сафьяновые сапоги, кожаные шапки, иногда овчинные тулупы. Вооружались татары только ручным холодным оружием, то есть брали с собой сабли, луки, колчаны с 18 или 20 стрелами, нагайки, служившие им вместо шпор, и деревянные жерди для временных шатров. Кроме того, к поясу привешивали нож, кресало для добывания огня, шило с веревочками, нитками и ремешками, запасались несколькими кожаными сыромятными веревками 10–12 метров длины для связывания невольников и астрономическим инструментом, заменявшим собой компас, для определения точек горизонта в безориентирной степи. Кроме того, каждый десяток татар брал с собой котел для варки мяса и небольшой барабанчик на луку седла. Каждый в отдельности татарин брал свирель, чтобы при необходимости созывать товарищей, привешивал деревянную или

кожаную бадью, чтобы самому пить воду или поить из нее лошадь. Знатные и богатые татары запасались кольчугами, очень ценными и редкими у татар. Для собственного пропитания каждый татарин вез на своем коне в кожаном мешке некоторое количество ячменной или просяной муки, которую называли толочном и из которой, с добавлением к ней соли, делали напиток пексинет. Кроме того, каждый татарин вез с собой небольшой запас поджаренного на масле и подсушенного на огне в виде сухарей теста. Но основной пищей татар в походе была конина, которую они получали во время пути, убивая изнуренных и не годных к бегу, а иногда и издохших коней. Из конины татары делали различные кушанья: смесь крови с мукой, сваренной в котле; тонкие круги мяса, пропотевшие и подогретые под седлом на спине коня в течение двух-трех часов; и большие куски мяса, сваренные с небольшим количеством соли, которые ели вместе с накипевшей от воды пеной в котле.

Вообще татары старались не обременять своих лошадей, поэтому больше заботились о них, чем о себе. «Коня потеряешь – потеряешь голову», – говорили они в этом случае, хотя в то же время мало кормили своих лошадей в пути, считая, что они без пищи лучше переносят усталость. С этой же целью татары одевали на своих коней самые легкие седла, которые в пути служили всаднику для различных целей: нижняя часть, называемая тург-чио, то есть сбитый из шерсти войлок, служил ковром; основа седла – изголовьем; бур-

ка, называемая капуджи или табунчи, при натягивании ее на воткнутые в землю жерди служила шатром.

Татары сидели на своих лошадях, согнувшись спиной, «подобно обезьянам на гончей собаке», потому что слишком высоко подтягивали к седлу стремя, чтобы тверже, по их мнению, опираться и оттого крепче сидеть в седле. Сидя верхом, татары мизинцем левой руки держали уздечку, остальными пальцами той же руки держали лук, а правой рукой быстро пускали стрелы назад и вперед.

Встретив на своем пути реку, татары переплывали ее, сделав из камыша плот, который привязывали к хвосту лошади и на который клали все свое имущество. Сами же, раздевшись донага, хватались одной рукой за гриву коня, понуждая его к скорейшей переправе через реку, другой рукой гребли и быстро переправлялись с одного берега на другой. Иногда вместо импровизированных плотов татары применяли лодки, поперек которых клали толстые жерди, к жердям привязывали лошадей, одинаковое число, для равновесия, с каждой стороны. Внутри лодки они складывали свои вещи и таким способом переправлялись через реку. Переправы татары совершали всем строем, растянувшись вдоль реки иногда километра на два.

Татарские лошади, называемые бакеманами, не подковывались. Только знатные вельможи и некоторые мурзы подвязывали своим коням толстыми ремнями вместо подков коровьи рога. Бакеманы в основном были малорослы, поджа-

ры и неуклюжи. Исключение составляли красивые и сильные кони знатных вельмож. Зато бакеманы отличались необыкновенной выносливостью и быстротой. Они в состоянии были проскакать в один день без отдыха и усталости 85—130 километров.

В походе татарин всегда имел трех и более коней: на одном сидел, а двух других вел с собой в поводу для перемены в случае усталости. Если какой-либо конь утомлялся, не мог нести всадника и даже следовать за ним, то такого бросали в степи и на обратном пути находили его в хорошем состоянии.

Сами всадники отличались легкостью, проворством и ловкостью. Несясь во весь опор на коне во время преследования врагом и чувствуя измождение коня под собой, татарин мог на всем скаку переброситься с одного коня на другого и мчаться безостановочно дальше. Конь же, освободившийся от всадника, тут же брал вправо и продолжал скакать рядом с хозяином, чтобы в случае усталости второй лошади вновь взять хозяина на свою спину.

Походы татар были зимние и летние.

Зимние походы предпринимались, чтобы избежать лишних трудностей во время водных переправ и дать возможность некованным лошадям бежать по мягкой снежной равнине. Для зимних походов выбиралось время около января или в январе, когда ровные степи покрывались глубоким снегом и не было никакой опасности от гололедицы для татар-

ских лошадей. В гололедицу татарские неподкованные кони скользили, падали, калечили себе ноги и оказывались бессильными против запорожской конницы. Кроме гололедицы, татары избегали и жестоких степных морозов, от которых они гибли сотнями и даже тысячами и спасались только тем, что разрезали брюха у лошадей, залезали вовнутрь и грелись.

Число всадников, отправившихся в поход, зависело от того, какого звания было лицо, стоявшее во главе похода. Если шел сам хан, то с ним двигались 80 тысяч человек. Если шел мурза, то 50 или 40 тысяч человек.

Перед началом похода делался подробный смотр войска, и только после этого позволялось выступить в поход. Вся масса войска двигалась не отдельными отрядами, а длинным узким рядом, растягиваясь на 4—10 миль, имея фронт в 100 всадников и 300 коней, а центр и арьергард – в 800 всадников или 1000 коней, при длине от 800 до 1000 шагов.

Во время наступательного похода, пока татары были в собственных владениях, они шли медленно, не более шести французских миль в день, хотя в то же время рассчитывали так, чтобы возвратиться в свои владения до вскрытия рек, всегда губительного для поспешно уходившего татарского войска, обремененного добычей и пленниками. Продвигаясь медленно вперед, татары в то же время применяли все меры предосторожности, чтобы обмануть сторожевых казаков и скрыть от них все следы своего передвижения. Для этого

татары выбирали глубокие балки или низменные лощины, вперед отрядов высылали ловких и опытных наездников для поимки “языков”, при ночных остановках не разводили огня, завязывали морды лошадям, не позволяя им ржать. Ложась спать, привязывали лошадей арканами к рукам, чтобы можно было в случае внезапной опасности сейчас же поймать коня, сесть на него и бежать от неприятеля.

При общем движении татары время от времени останавливались, спрыгивали со своих коней, «pour donner loisir à leurs chevaux d'uriner»¹² – и лошади их в этом случае так были выдрессированы, что тотчас это делали, как только всадники сходили с них. Все это происходило «в полчетверть» часа, после чего всадники снова двигались в путь.

Медленность движения татар, страшная масса лошадей и людей, молчаливость и сдержанность их в пути, темное вооружение всадников наводили ужас даже на самых смелых, но не привыкших к такому зрелищу воинов.

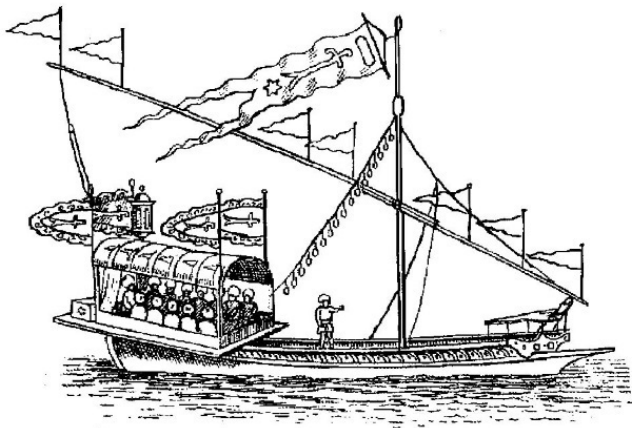
Впервые в союз с турками вступил крымский хан Хаджи Гирей в 1454 г., всего через несколько месяцев после падения Константинополя. В июне 1456 г. была проведена первая совместная турецко-татарская операция против генуэзцев в Кафе (современная Феодосия). Эта акция закончилась подписанием мирного договора, согласно которому, генуэзцы стали платить дань туркам и татарам.

А в мае 1475 г. турецкая эскадра под командованием

¹² Для того чтобы дать возможность своим лошадям помочиться (*фр.*).

верховного визиря Кедука-паши высадила десант в Кафинском заливе. С берега десант поддерживали татарские отряды Менгли Гирея. На пятый день Кафа пала. Город стал называться по-турецки – Кефе. Он стал главным опорным пунктом Турции в Крыму. Турецкие войска разгромили и заняли княжество Феодоро и все города Южного побережья Крыма. С генуэзским присутствием в Крыму было покончено. Затем турки захватили Таманский полуостров.

Весной 1484 г. объединенные войска султана Баязида II и крымского хана Менгли Гирея напали на Польшу. 14 июля 1484 г. они захватили важнейший порт в устье Дуная – крепость Килию, 4 августа заняли Аккерман (современный Белгород-Днестровский) – крепость в устье Днестра. Теперь Турция и Крымское ханство владели всем побережьем Черного моря от устья Дуная до устья Днестра. Во всех завоеванных городах были оставлены большие турецкие гарнизоны. Крымские татары на захваченных землях образовали свое государство Буджицкую Орду.

Турецкая галера начала XVII века

23 марта 1489 г. Польша подписала мирный договор, по которому Турция оставляла за собой захваченные земли в Северном Причерноморье.

Таким образом, в конце XV века Турции удалось закрепиться в Крыму и Северном Причерноморье. Крымское ханство на 300 лет стало вассалом Турции. Большинству отечественных историков зависимость Крымского ханства от Османской империи представлялась минимальной. Кстати, также думали беи и простые татары. Дело в том, что интересы Турции и Крымского ханства в подавляющем большинстве вопросов совпадали. Фактически ханство находилось на длинном, но жестком поводке Стамбула. Султан был ре-

лигиозным главой крымских мусульман. Многие члены семьи Гиреев постоянно жили в Турции, и у султана всегда было в запасе несколько претендентов на ханский престол. Для ханства Стамбул являлся фактически единственным окном в мир. Турция была единственным скупщиком захваченных татарами пленных и награбленного имущества (если не считать выкупа за пленников). И, наконец, Турция была «крышей» разбойничьей конторы «Гирей и К°». Не будь Оттоманской империи, Россия и Речь Посполитая, поодиночке или объединившись, сумели бы покончить с этой «конторой» еще в XVI веке или по крайней мере в XVII веке.

Все это накрепко привязало Бахчисарай к Стамбулу, куда крепче, чем, к примеру, Алжир или Египет, которые формально были частями Оттоманской империи.

Крымские татары стали на три века страшным бедствием для Московского государства и Польши.

Вот краткая хроника нападений татар на Малую Россию. В 1447 г. и 1452 г. – походы на Подолию, в 1453, 1462 и 1469 годах разорение Волыни. В конце лета 1482 г. хан Менгли Гирей с огромной ордой ворвался в Киевскую землю. Татары осадили Киев, штурмом взяли его замок, ограбили и сожгли город, увели в неволю множество жителей.

В 1489 г. крымские татары несколько раз вторгались на Подолию. Она была опустошена ими и в 1494 г. В Каменце, например, как видно из описания подольских замков, все его укрепления и строения были разрушены, запасы оружия и

продовольствия уничтожены.

В 1498 г. татарское войско вместе с турецким разорило Галичину и Подолию, захватив в плен около 100 тысяч человек.

В 1499 г. крымская орда вновь разграбила Подолию.

В первой половине XVI века, как и раньше, Крымское ханство было неспособно само обеспечить себя продовольствием. Ханы абсолютно не заботились о развитии экономики ханства, видя источник существования государства и своего обогащения в грабеже других народов и в войнах.

Когда турецкий султан однажды запретил крымскому хану Мухаммеду Гирею I (1513–1523) нападать на дружественные ему тогда государства, тот цинично спросил сюзерена: «Не велишь пойти на московского и волошского (князей), чем быть (тогда) сыту и одету?»

Не менее страдало от набегов и Московское государство. Так, в 1521 г. хан Мухаммед Гирей подошел к Москве и раскинул стан на Воробьевых горах. Московские бояре и царевич Петр вступили в переговоры с Гиреем. Оказавшись в сложном положении, Василий III был вынужден подписать унижительный мирный договор – формально признать зависимость Московского государства от крымского хана и платить ему дань «по уставу древних времен», то есть так, как платили ханам Золотой Орды.

Крымские татары гонят пленных, захваченных на Руси

По людским потерям поход Мухаммеда Гирея был сопоставим с Батыевым нашествием. Хан похвалялся, что взял у московского государя 800 тысяч пленников.

Весной 1572 г. хан Девлет Гирей I собрал 120-тысячную орду и двинулся на Русь.

Иван Грозный поспешил уехать «по делам» в Александровскую слободу, а оттуда – в Ростов. При этом в походе хана он обвинил «изменников бояр», назвавших татар.

Крым и Дикое поле в конце XVII века

24 мая хан подошел к Москве. В предместьях города завязался бой, и татары сумели поджечь окраины Москвы. Были сильный ветер и жара, и за три часа пожар истребил громаду сухих деревянных строений. Уцелел только Кремль. По сведениям иностранцев, в огне погибли до 800 тысяч человек. Данные эти, видимо, преувеличены, но не следует забывать, что в Москву, спасаясь от татар, сбежало много народу из окрестностей. По русским данным, людей погорело

бесчисленное множество. Митрополит с духовенством просидели в соборной церкви Успения. Первый боярин, князь Иван Дмитриевич Бельский, задохнулся на своем дворе в каменном погребце. Других князей, княгинь, боярынь и всяких людей кто перечтет? Москва-река мертвых не пронесла: специально были поставлены люди спускать трупы вниз по реке. Хоронили только тех, у кого были родственники или знакомые.

В XVI–XVII веках борьбу с татарами и турками параллельно вели Московское государство и вольные русские люди – запорожские и донские казаки.

Тульский участок Большой засечной черты

Вольные казаки и государство в XVI–XVII веках в боль-

шинстве случаев действовали независимо друг от друга. При чем стратегия Московского государства в борьбе с Крымом сводилась к пассивной обороне (за редкими исключениями), а казаки предпочитали молниеносные войны.

Уже при великом князе Василии III в 1512 г. была составлена первая «ропись» русских полков для обороны «крымской украины». Воеводы с полками размещались вдоль Оки – в Кашире, Серпухове, Тарусе, Рязани, «на Осетре», и по берегу Угры. В 1513 г. пять полков были направлены в Тулу.

Охрана «берега» от татарских набегов стала общегосударственной повинностью. На Оку прибывали отряды из самых отдаленных областей Руси. Например, отряд из Великого Устюга стоял «на перевозе на Кашире», а потом «стояла сила устюжская заставою на стороже на Оке, на устье реки Угры от Орды». Отряды, оборонявшие «берег», формировались из «детей боярских», «посошных» и «пищальников».

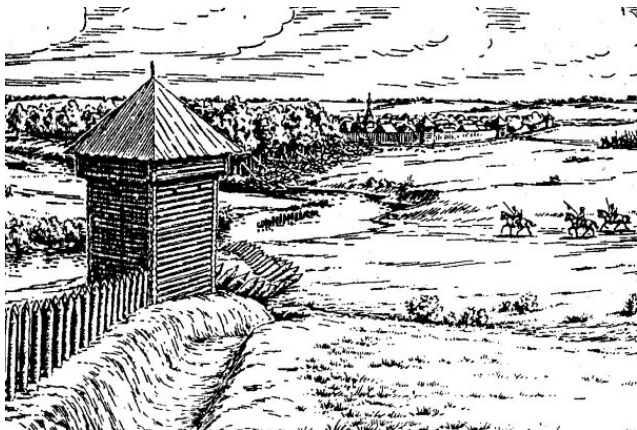
В начале XVI века оборона Московского государства от татар включала в себя укрепленные линии по берегам рек Оки и Угры, где стояли русские полки, и действия «легких воевод» «за рекой».

В XVI–XVII веках считалось успехом, если московские воеводы останавливали крымцев на Оке, а это сделать удавалось, увы, не всегда.

С 1580 г. по 1590 г. русские строят южную линию городов-крепостей – Белгород, Воронеж, Валуйки, Елец, Кромы, Курск, Лебедянь, Ливны, Оскол, Царев-Борисов. Горо-

да-крепости соединялись между собой малыми укреплениями и «засечными чертами». «Засечные черты» представляли собой в 100 метров шириной полосы поваленных верхушками на юг деревьев, укрепленные валами. Вдоль всей черты располагались дозорные вышки и укрепленные пункты – остроги. Эти меры в известной степени ослабили набеги татар, прорывы крымцев к Оке стали редкостью.

Смута на Руси в начале XVII века существенно ослабила обороноспособность государства. С 1607 г. по 1618 г. татары разрушили города Болхов, Данков, Дедилов, Елец, Епифань, Калугу, Карачев, Козельск, Крапивну, Кромы, Лебедянь, Мещерск, Михайлов, Ливны, Лихвин, Перемышль, Путивль, Орел, Оскол, Ряжск, Серпухов, Серпейск, Царев-Борисов, Чернь, Шацк.

Оборонительное сооружение засечной черты

В июле 1632 г. 20-тысячное татарское войско разграбило Елецкий, Карачевский, Ливенский, Мценский, Новосильский и Орловский уезды. Только в октябре татары ушли домой. В июне 1633 г.

20-тысячное татарское войско во главе с Мубарек Гирем разорило приокские уезды – Алексинский, Калужский, Каширский, Коломенский, Серпуховской, Тарусский и даже Московский за Окой.

В ответ Московское правительство в 1635 г. начало грандиозные по своим масштабам строительные работы на новой линии – Белгородской черте, протянувшейся на 800 км от реки Ворсклы (приток Днепра) до реки Челновой (приток Цны). Это была сплошная укрепленная линия с вновь построенными десятками крепостей, с валами и рвами. «Белгородская черта» проходила от Ахтырки через Вольный, Хотмышск, Карпов, Белгород, Корочу, Яблонов, Новый Оскол, Уверд, Ольшанск, Воронеж, Орел, Усмань, Сокольск, Добрый, Козлов до Тамбова. Строительство ее было в основном завершено к 1646 г., а доделки продолжались еще 10 с лишним лет.

При царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче были построены еще две засечные черты – Симбирская (1648–1654) и

Сызраньская (1683–1684). Строительство защитных ли-

ний продолжалось вплоть до присоединения Крыма к России.

Однако, несмотря на мужество русских воевод и простых ратников, несмотря на огромные средства, вложенные в строительство защитных линий, татарские набеги не прекращались. Только в первой половине XVII века татары увели в плен 150–200 тысяч человек.

Муравский шлях. Схема набегов татар на южные границы Московского государства

Огромные суммы ежегодно выплачивала Русь крымским ханам и мурзам в качестве «поминок». Московское государство брало на себя все расходы на содержание татарских послов. За первую половину XVII века на эти цели было израсходовано из московской казны около миллиона рублей, то есть в среднем по 26 тысяч рублей в год. Деньги по тем временам огромные – на них можно было построить четыре новых города.

Засечные черты Руси в XV–XVII веках

Причина была в неверной стратегии русских царей. Оборона хороша только тогда, когда она непроницаема для противника или по крайней мере наносит неприемлемый уровень потерь ему. Причем последнее справедливо только для цивилизованного противника. Для войны с татарами эффективной могла быть только наступательная тактика. Причем все нормы так называемого военного или международного

права тут неприемлемы. Они годятся только для Европы, и дело тут не в расизме, а в здравом смысле. Возьмем, для примера, деревушку Артаньян на юге Франции. Из ее жителей в течение многих столетий воевало только одно семейство – дворяне д'Артаньяны, а прочие обитатели деревни только кормили их. Когда деревню занимали испанцы, жители кормили испанцев и т. д. Поэтому убийство мирных жителей противоречило здравому смыслу, и, соответственно, сформировались нормы морали и права. Жители же селения, живущие столетиями разбоем, все являются разбойниками. Пресечь бандитизм временно можно, поставив рядом крепкий гарнизон, но как только гарнизон уйдет, разбои возобновятся. Навсегда же покончить с разбоем можно, только уничтожив все население или, изолировав мужчин, ассимилировать женщин и детей с мирным населением.

Глава 4

Присоединение Крыма и основание Севастополя

В 1768 г. Турция объявила войну России. Однако боевые действия начались лишь в январе 1769 г., когда 70-тысячная орда хана Крым Гирея вторглась в русские пределы. Это был последний набег татар на Русь. Екатерина Великая приказала занять Крым Второй армией, командующим которой был назначен князь Василий Михайлович Долгоруков.

Сосредоточение войск на Днепровской линии закончилось к концу мая. 27 мая Сивашский отряд двинулся к Геническу, а главный корпус 9 июня начал движение к Перекопу. 12 июня он вышел к крепости Орь, а в это время Сивашский отряд начал погрузку на корабли Азовской флотилии вице-адмирала А.Н. Сенявина.

Укрепления Перекопа защищали 50 тысяч татар и 7 тысяч турок под начальством крымского хана Селим Гирея III.

Разделив свой корпус на семь колонн, Долгоруков в ночь с 13 на 14 июня начал штурм Перекопской линии. Две колонны действовали в центре, одна – против левого фланга, а четыре – против правого фланга перекопских укреплений. Главные удары наносились по слабым участкам, в то время как на сильно укрепленных участках производились толь-

ко демонстрации, отвлекающие противника от направления главного удара. К 15 июня Перекопская линия пала, а гарнизон крепости Орь капитулировал. Так же успешно действовал Сивашский отряд, который высадился на косе 17 июня, а в ночь на 18 июня штурмом овладел крепостью Арабат. Действия войск прикрывались с моря эскадрой Сенявина.

После разгрома татарских войск на Перекопе Селим Гирей бежал в Румелию, поручив защиту Крыма Ибрагиму-паше. Последний предлагал сначала защищаться в Карасубазаре, но затем отошел к Кафе, надеясь на прибытие подкреплений из Константинополя.

29 июня основные силы Долгорукова подошли к Кафе и начали бомбардировку ее укреплений. Стоявшие на рейде турецкие корабли после обстрела русской артиллерией ушли в море.

Русские войска стремительно атаковали Кафу, и комендант отдал приказ сдать крепость. Турки под Кафой потеряли около 3500 человек. Считается, что турок и татар там было 95 тысяч, но, по мнению автора, эта цифра явно преувеличена. Тем не менее численность неприятеля существенно превышала число русских.

Узнав о взятии Кафы, турки, находившиеся в Керчи, поспешили отплыть на кораблях в Стамбул. Русские войска без боя заняли Керчь и Еникале.

22 июня отдельным отрядом генерала Брауна был взят Козлов (Евпатория). Вскоре русские войска заняли восточ-

ный и южный берега Крыма, включая Судак, Ялту, Балаклаву и Ахтиар.

Быстрое продвижение русских войск в Крыму в известной степени было обусловлено раздорами среди татар. Так, еще до начала похода Долгорукова едисанцы, бубжаки и джамбулуки (орды, кочевавшие в Северном Причерноморье) объявили себя сторонниками России. В худшем случае они держали нейтралитет. Естественно, что тут не обошлось без подкупа. Только едисанской орде Екатерина отстегнула 14 тысяч рублей якобы за обиды, чинимые орде запорожцами.

В самом Крыму после бегства Селим Гирея царило безвластие. Несмотря на продолжение боевых действий, с конца июня крымская верхушка находилась в переписке со штабом Долгорукова. Фактически с конца июля большая часть крымских татар согласилась на перемирие.

Успехи Долгорукова крайне обрадовали Екатерину. В письме Долгорукову было сказано: «Вчерашний день (17 июля) обрадована я была вашими вестниками, кои приехали друг за другом следующим порядком: на рассвете – конной гвардии секунд-ротмистр кн. Иван Одоевский со взятием Кафы, в полдень – гвардии подпоручик Щербинин с занятием Керчи и Еникале и перед захождением солнца – артиллерии поручик Семенов с ключами всех сих мест и с вашими письмами. Признаюсь, что хотя Кафа и велик город, и путь морской, но Еникале и Керчь открывают вход г. Синявину водой в тот порт, и для того они много меня обра-

довали. Благодарствую вам и за то, что вы не оставили мне дать знать, что уже подняли русский флаг на Черном море, где давно не казался, а ныне веет на тех судах, кои противу нас неприятель употребить хотел и трудами вашими от рук его исторгнуты».

Долгоруков получил Георгиевский орден первой степени, 60 тысяч рублей денег, табакерку с портретом императрицы, сын его был произведен в полковники.

28 июля к Долгорукову прибыли два знатных татарина с вестью об избрании в Карасубазаре нового хана – Сагиба Гирея II. Посланные от имени всего общества ручались за верность избранных как не имеющих никакой привязанности к Порте, от которой вовсе отторглись, что подтвердили клятвой перед целым обществом, с Русскою же империей вступили в вечную дружбу и неразрывный союз под высочайшую протекцию и ручательство императрицы.

Долгоруков потребовал от нового хана немедленного освобождения русских и вообще христианских рабов. «Чтобы не возбудить негодования черни», татарские мурзы и духовенство решили платить владельцам за отпущенных рабов-христиан: за мужчину – 100 левков, за женщину – 150 левков. Как видим, даже «чернь» в Крыму была рабовладельцами. Вот еще одно доказательство неприменимости марксистских теорий к крымским татарам. Посредством такого выкупа в армию приведено было мужчин и женщин 1200 человек. Многие солдаты, особенно из поселенных гу-

сарских и пикинерских полков, нашли среди них своих жен и детей.

Но как только между рабами пронеслась весть, что их освобождают, те не стали дожидаться определенного для выкупа срока и бросились бежать к русским. Таких беглецов в августе месяце при армии было уже до 9 тысяч душ. По уговору с крымцами русский главнокомандующий велел поднять кресты на двенадцати греческих церквях в Кафе и снабдить их колоколами. Также по всем городам и селам начали восстанавливать греческие церкви.

Нетрудно догадаться, насколько «приятными» оказались сии «новшества» для татар. Немедленно же начались столкновения с новым ханом. Князь Долгоруков уведомил Сагиб Гирея, что в крымских крепостях останутся русские гарнизоны для защиты от турок и что крымцы должны доставлять этим гарнизонам топливо. Хан отвечал, что Крым от Порты стал независим и, следовательно, должен сам себя защищать да и в конце 1771 г. никакой опасности от турок нет, так как в это время навигация на Черном море закончилась. А на будущий год, если будет грозить опасность, хан даст знать о ней главнокомандующему. Крымский народ и без того разорен и бесплатно не может давать русскому войску топливо. Долгоруков отвечал: «Хотя до апреля месяца никакой опасности с турецкой стороны ожидать нельзя, однако я гарнизоны вывести власти не имею, ибо оные введены в силу повеления моей государыни, а вашей великодушнейшей покровитель-

ницы и щедрейшей благодетельницы». Относительно отопления главнокомандующий распорядился, чтоб солдаты были размещены в христианских домах, где будут пользоваться теплом сообща с хозяевами. Где же нет христианских домов, то в пустых магометанских, и только в этом случае татары должны доставлять им топливо.

Русским поверенным в делах при хане был назначен канцелярии советник Веселицкий. Он должен был вручить Сагиб Гирею акт, в котором говорилось, что Крымская область учреждается вольною и ни от кого не зависимою, а так как это «сокровище получено единственно от человеколюбия и милосердия ее императорского величества Великой Екатерины», то Крымская область вступала в вечную дружбу и неразрывный союз с Русскою империей под сильным покровительством и ручательством ее самодержицы. Хан обязывался не вступать с Портой ни в какие соглашения. Веселицкий должен был требовать подписания этого акта и также требовать просительного письма к императрице, чтоб она приняла под свою власть города Керчь, Еникале и Кафу.

Назначенные для переговоров с Веселицким мурзы отвечали на последнее требование: «Какая же будет свобода и независимость, когда в трех главных местах будет находиться русское войско? Народ наш всегда будет беспокоиться насчет следствий этой уступки, опасаясь такого же угнетения, какое мы терпели во время турецкого владычества в этих городах».

Веселицкий объяснил, что это делается для их благоденствия, что от Порты надо всегда и всех опасаться и они будут подвержены гибели из-за своей отдаленности от русских пределов. Спросил, могут ли они защищаться собственным войском. Татары все это выслушивали без возражений, но отвечали просьбой, нельзя ли их избавить от этой новости, как они выражались. Тогда Веселицкий объявил им, что если они этого требования не исполнят, то он не приступит ни к чему другому. Хан созвал всех старшин для совета об уступке Керчи, Еникале и Кафы. Совет продолжался пять дней подряд, и 7 ноября присланы были знатные люди к Веселицкому с объявлением, что духовенство находит эту уступку противной их вере, и так как русское правительство объявило, что оно не будет требовать ничего противного мусульманской религии, то они на отдачу городов согласиться не могут. Веселицкий отвечал, что русским хорошо известно содержание Корана и там не указано о невозможности уступки городов. Препирательства о трех городах продолжались, и формальная сторона дела так и не была решена в 1771 г. Фактически же эти города уже принадлежали России.

10 июля 1774 г. Россия и Турция подписали Кючук-Кайнарджийский мир. Этот договор привел Крым в метастабильное положение. Формально Крымское ханство было объявлено независимым. Но турецкий султан по-прежнему был духовным главой татар. Крымский хан, вступающий на престол, должен был быть утвержден султаном. Профиль

султана по-прежнему чеканился на крымских монетах. За него продолжали молиться во всех мечетях.

С другой стороны, в нескольких районах Крыма остались русские войска, а из Петербурга в Крым не пересылал золотой ручеек, заканчивавшийся в бездонных кошельках татарских мурз. Естественно, что в Крыму образовались две враждующие между собой партии: русская, стоявшая за дружбу с Петербургом, и турецкая, призывавшая татар вернуться в подданство Турции.

В апреле 1783 г. Екатерина II издала манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу». В нем говорилось: «В прошедшую с Портой Оттоманскую войну, когда силы и победы оружия Нашего давали нам полное право оставить в пользу Нашу Крым, в руках наших бывший, Мы сим и другими пространными завоеваниями жертвовали тогда возобновлению доброго согласия и дружбы с Портою Оттоманскую, преобразив на тот конец народы татарские в область вольную и независимую, чтобы удалить навсегда случаи и способы к распрям и остуде, происходившим часто между Россиею и Портою в прежнем татар состоянии... Но ныне... по долгу предлежащего нам попечения о благе и величии Отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить, как равно полагая средством, навсегда отдаляющим неприятные причины, возмущающие вечный мир между империями Российскойю и Оттоманскою заключенный, который мы навсегда

сохранить искренне желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков Наших, решились Мы взять под державу Нашу полуостров Крымский, остров Таман и всю Кубанскую сторону».

У России не было иной возможности обеспечить безопасность своих южных границ, кроме как присоединить Крым. До сих пор ни один самый ярый русофоб не предложил реальной альтернативы этому.

И вот рескриптом Екатерины Великой Крым присоединен к России. Екатерина блестяще закончила дело Дмитрия Донского, Ивана III и Ивана Грозного. Екатерина писала, что по приобретении Крыма «исчезает страх от татар, которых Бахмут, Украина и Елисаветград поныне еще помнят».

Тем не менее еще в начале XX века старики на юге Украины ругались: «Чтоб тебя крымская сабля посекала!».

За прошедшие 200 лет нашлось немало историков, как за рубежом, так и у нас, осуждавших Екатерину Великую за «захват Крыма и лишение татар независимости». Не будем напоминать, как в XVIII и XIX веках Англия и Франция захватывали территории в

Африке и Азии, не будем вспоминать истребление индейцев в Америке. Скажем лишь, что даже по меркам современной морали и права Екатерина поступила вполне лояльно с татарами, принесшими столько горя Руси.

Григорий Потемкин в ордере командующему русскими войсками в Крыму генералу де Бальмену от 4 июля 1783 г.

указал: «Воля ее императорского величества есть, чтобы все войска, пребывающие в Крымском полуострове, обращались с жителями дружелюбно, не чиня отнюдь обид, чему подавать пример имеют начальники и полковые командиры».

Великая императрица была и великой конформисткой. Она без лишней огласки, даже не спросив мнения русского дворянства, дала все дворянские права всем татарским мурзам. Позже русские историки XIX века острили, что в первые годы после присоединения Крыма дворянство давалось каждому, кто носил саблю на боку и орал, что он «балшой человек».

Мало того, многие из татар были поставлены военными и гражданскими чиновниками. Так, Метша бей Ширинский был временно назначен областным предводителем дворянства и получил чин коллежского советника (чин VI класса, соответствовавший военному званию полковника).

Согласно «Очерку военной службы крымских татар с 1783 по 1899 г.» татарского историка Измаила Мурзы Муфтийзаде, опубликованному в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии»³⁰, 1899 г.: «В январе 1787 г. были произведены в Крыму первые дворянские выборы, на которые съехались со всего Крыма до ста мурз, и закрытыми шарами были избраны:

Уездными предводителями дворянства:

Симферопольским – Абдувели ага Топечокракский.

Феодосийским – майор Атай мурза Ширинский (владелец

д. Учкуй).

Перекопским – Уссин бей Мансурский.

Евпаторийским – Арсланша мурза Ширинский.

Уездными судьями:

Симферопольским – Черкес Мегмед ага.

Феодосийским – Мамбет мурза Ширинский.

Перекопским – Мердимша мурза Мансурский.

Евпаторийским – Батыр ага (владелец д. Кабач).

Уездными исправниками:

Симферопольским – капитан Болат бей.

Феодосийским – Темирша мурза.

Перекопским – Сеит Ибрам ага Тащи-оглу.

Евпаторийским – капитан Абдураман ага Мамайский.

Все места депутатов, заседателей как дворянских опек, так и верхних и нижних земских судов, были замещены молодыми мурзами с чинами. Перечень их имен считаю лишним помещать здесь, но позволю себе упомянуть, что до 1840 года большинство выборных мест по Крыму было занято мурзами».

Екатерина II отменила для крымских татар рекрутские наборы, распространенные на все губернии, заселенные этническими славянами. С другой стороны, для всех татар, желавших добровольно служить в русской армии, согласно указу военной коллегии от 1 марта 1784 г., было создано Национальное татарское войско в составе 5 дивизионов.

По штату в каждом дивизионе положено было иметь по

одному майору, по 2 ротмистра, 2 поручика, 2 прапорщика, 10 наказных и 195 рядовых с жалованьем в год: майору – 300 руб., ротмистру – 200 руб., поручику – 150 руб., прапорщику – 120 руб., наказному – 40 руб. и рядовому 35 руб.

Могли ли о таком мечтать русские крестьяне? Причем замечу, что даже для старших офицеров из татар не требовалось перехода в православие. До 1917 г. в русской армии постоянно служили несколько генералов мусульманского вероисповедания.

Риторический вопрос: мог ли какой-либо западноевропейский монарх, в той же Англии и Франции, в конце XVIII века дать дворянство и чины вождям и знати племен на вновь присоединенных территориях, например, арабам, готтентотам, бушменам и др.?

Наконец крымским татарам было оставлено собственное судопроизводство. Им предоставлялось право разбирать взаимные тяжбы у улемов. Мусульманское духовенство навсегда освобождалось от уплаты податей.

Итак, татары в Крыму получили те же права, что и остальные жители империи, но были избавлены от рекрутских наборов и ряда других тягот. Никто не покушался на их веру, на их скот, на их земли. Но у них отняли самое главное их право – грабить соседей и торговать рабами. Этого они никогда не простят русским.

Любопытный момент – ни татары, ни другие народы не строили крупных населенных пунктов в Севастопольской

бухте. Согласно одной из легенд, татары считали берега Севастопольской бухты проклятыми. К 1778 г. на берегах бухты имелось лишь маленькое селение Ахт-Яр¹³ из нескольких домишек, да и располагалось оно не у воды, а высоко на холмах. По названию этого селения будущая Севастопольская бухта получила название Ахтиарской.

В мае 1778 г. 10 турецких судов под командованием Гаджи-Мегмета бросили якоря в Ахтиарской бухте (на месте будущего Севастополя). 7 июня высадившиеся на берег турки атаковали русский дозор и убили казака. Туда немедленно поскакал Суворов. Суворов первым делом потребовал у турецкого адмирала найти и наказать убийцу. В ожидании ответа генерал-поручик поехал осматривать Ахтиарскую бухту. Его внимание привлек сравнительно узкий вход в бухту. Там он приказал построить земляные укрепления для «приличной артиллерии».

Как и следовало ожидать, Гаджи-Мегмет прислал письмо с уверениями в дружбе, но наказывать виновных не собирался. Суворов не стал вступать в полемику с турком. А в ночь на 15 июня по обеим сторонам бухты шесть пехотных батальонов приступили к постройке укреплений. Поутру разъяренный Гаджи-Мегмет разглядывал в трубу укрепления русских, закрывавшие ему выход в море. Немедленно к Суворову был отправлен посыльный с письмом, где запрашивалось, зачем русским понадобилось строить столь мощ-

¹³ Иногда его называли Ат-Яр и Ак-Яр.

ные укрепления. Ответ Суворова не замедлил себя ждать: «Дружески получа ваше письмо, удивляюсь нечаянному вопросу, не разрушили ли мы обосторонней дружбы... к нарушению взаимного мира никаких намерений у нас нет, а напротив, все наше старание к тому одному устремлено, чтобы отвратить всякие на то неприязненные поползновения и чтоб запечатленное торжественными великих в свете государей обещаниями содружество сохранить свято. Итак, мой приятель, из сего ясно можете видеть мою искреннюю откровенность и что сумнение ваше выходит из действий вашей внутренности.»

Мало того, по всей бухте были расставлены многочисленные конные и пешие посты русских, которые под угрозой оружия не разрешали туркам высаживаться на берег. Офицерам это Суворов объяснил карантинном против чумы, свирепствовавшей в Турции. Оставшись без воды, Гаджи-Мегмет приказал уходить в Синоп. Больше турецкие корабли здесь не появятся до 1918 года.

Еще в войну 1768–1774 гг. на Днепре и его притоках Икорец и Хопер было основано несколько верфей – Икорецкая, Новохоперская и Гнильтонская (в устье Дона, на его притоке Гнилая Тоня). Там были построены 11 «новоизобретенных» кораблей и 8 фрегатов, составивших ядро Азовской флотилии.

В апреле 1783 г. капитан 2 ранга И.М. Берсенев на фрегате «Осторожный» осмотрел Ахтиарскую бухту и предло-

жил создать там военно-морскую базу. 2 мая 1783 г. в Ахтиарскую бухту вошли 5 фрегатов и 8 малых судов Азовской флотилии под командованием вице-адмирала Клокачева.

Сразу же на берегах Ахтиарской бухты началось строительство офицерских домов, казарм для матросов и солдат. В августе была освящена первая небольшая каменная церковь.

Было создано несколько новых береговых батарей, а построенные в 1778 г. Суворовым редуты значительно усилены.

10 февраля 1784 г. последовал рескрипт Екатерины II: «Нашему Генерал-фельдмаршалу, военной коллегии президенту, Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Потемкину... с распространением границ Империи Всероссийской необходимо. и обеспечение оных, назнача по удобностям новые крепости. Крепость большую Севастополь, где ныне Ахтиар и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное селение.»

Севастополь быстро строился. В Артиллерийской бухте построили пристань и склады. Вокруг южной оконечности Южной бухты возник поселок купцов и ремесленников. В Крым и в Севастополь Потемкин привлекал все категории переселенцев – иностранцев, беглых крестьян, старообрядцев и т. д. Вспомним, что в те времена крестьяне не имели права покидать своих помещиков, а дворяне вовсе не жаж-

дали ехать в Крым, даже когда Потемкин бесплатно раздавал там пустующие земли.

Матушка-императрица прекрасно знала и о беглых, и о раскольниках. В нескольких письмах к Потемкину, соглашаясь с его политикой, она, тем не менее, просила его не афишировать наличие таких переселенцев в Крыму.

Любопытна топонимика названий Севастопольской бухты. Так, в 1785 г. капитан 1 ранга Ф.Ф. Ушаков выбрал для своего корабля «Святой Павел» стоянку у безымянного мыса на восточном берегу Южной бухты. С тех пор мыс стал именоваться Павловским.

Знаменитая Графская пристань обязана своим названием графу Марку Ивановичу Войновичу. Капитан 1 ранга Войнович командовал эскадрой, базировавшейся на Севастополь, и каждый день в одно и то же время садился на причале в шлюпку и отправлялся на корабли. В честь приезда императрицы было решено назвать главную пристань города Екатерининской, но это название не прижилось, и пристань осталась Графской.

В известном фильме «Адмирал Ушаков» Потемкин упрекает Ушакова за отсутствие титула, а граф Войнович представлен аристократом. На самом же деле Ушаков происходит из старинного русского дворянского рода, а Марк (Марко) Войнович... пират и сын пирата. Далматинцы Марк и Иван Войновичи в 1770 г. поступили на русскую службу и каперствовали в Средиземном море на своих кораблях с грече-

скими экипажами. А нанимаясь на русскую службу, лихие флибустьеры объявили, что они графы. Граф Алексей Орлов спорить не стал – графы, так графы. Благо, сам он получил титул за устроение «геморроидальных колик» императору Петру Федоровичу. И вот юный граф, он же мичман российского флота Марко Войнович с сотней головорезов – греков, албанцев и славян – на полаке¹⁴ «Ауза» отправляются «добывать зипуны».

22 мая 1787 г., завершая свое знаменитое путешествие, Екатерина II прибывает в Севастополь. Специально для нее в Инкермане на возвышенности, откуда хорошо просматривается Севастопольская бухта, Потемкин приказал возвести дворец. Екатерина вместе со свитой, куда входили знаменитые европейские аристократы и несколько послов, прибыла в Инкерман ночью, и до обеда никто не видел Севастопольской бухты.

Во время торжественного обеда по знаку Потемкина упал большой занавес, и императрица, и все присутствующие увидели эскадру в составе трех кораблей, двенадцати фрегатов, трех бомбардирских и двадцати малых судов. Громыкнул са-

¹⁴ Полака (полакра) – быстроходное двух- или трехмачтовое судно. Паруса прямые или косые. При необходимости использовались весла. Полаки получили распространение в Средиземноморье в XVII – первой половине XIX веков и применялись в качестве торговых или военных судов. Они были любимыми кораблями средиземноморских пиратов (корсаров). Вооружение полаков – мелкокалиберные пушки и фальконеты. Греческие корсарские полакры, присоединившиеся к русскому флоту в Архипелаге в 1770—1774 гг., ранее были греческими торговыми судами или были захвачены корсарами в Средиземном море.

люют из сотен орудий. Восхищенная Екатерина провозгласила тост за здравие Черноморского флота.

За два года до этого, 10 августа 1785 г., Потемкин направил императрице донесение, в основу которого лег документ, подготовленный инженером Корсаковым, – «Краткая идея об укреплении Севастопольского пристанища». В документе определялись три главные задачи: первая – «чтобы устье Севастопольского пристанища защитить сильным огнем и в то же время закрыть от огня противника прилегающие к нему заливы; вторая – стенами сего укрепления оградить морские магазины, доки для строения и починки кораблей; третья – сие место должно быть столь сильно укреплено, что хоть неприятель и высадит на берег превосходящие силы, облечь крепость с земли и с моря, чтобы она была в состоянии его нападениям противиться, доколе из других пределов России не прибудет помощь».

По проекту планировалось строительство каменной плотины на южном и северном мысах длиной до 150 саженей (320 м) и на конце каждой «замок о двух рядах пушек, чтобы нижними очищать морскую поверхность, а верхними вредить неприятелю на дальнем расстоянии...». После окончания работ расстояние между двумя мысами для прохода в бухту будет всего 300 саженей (640 м). На плотине предполагалась установка «светильника» (маяка).

Екатерина II проект утвердила, особо отметив роль Севастополя и необходимость превращения его в «крепость чрез-

вычайной силы».

В 1786 г. императрица одобрила добавление к проекту, предусматривающее укрепление береговой обороны не только главной севастопольской бухты, но и большинства смежных с ней бухт. Проект включал в периметр крепости почти весь Херсонесский полуостров. Планировалось построить: «первую северную батарею» на 28 орудий на Константиновском мысу и «вторую северную батарею» на 10 орудий на втором мысу от Константиновского мыса, а также «первую южную батарею» на 24 орудия на мысу между Карантинной и Песочной бухтами и еще три батареи, вооруженные 28 орудиями, на побережье между Артиллерийской и Южной бухтами.

Все эти батареи должны быть сомкнутыми, неправильной формы, временными, с одеждами из плетней и туров. На северных батареях и «первой южной» проектировалась двухъярусная оборона. По предварительным подсчетам, сумма проекта превышала 6 миллионов рублей.

В 1792 г. была учреждена Экспедиция строения южных крепостей, в ведомстве которой находились крепости Кинбурн, Очаков, Симферополь, Феодосия, Севастополь и др. Указом Екатерины II от 10 ноября 1792 г. экспедицию возглавил граф А.В. Суворов, который был назначен командующим войсками, расквартированными в Екатеринославской губернии, Таврической области, в том числе и в Крыму.

В начале 1793 г. генерал прибыл в свою штаб-квартиру в

Херсоне и начал знакомиться с составленными до его приезда проектами. В феврале 1793 г. Суворов посетил Севастополь, осмотрел крепость и проверил состояние инженерных работ.

По указанию Суворова его заместитель инженер-подполковник Ф.П. де Волан разрабатывает новый план строительства севастопольских укреплений. Причем стоимость их резко снижена с 6 миллионов до 231 752 рублей.

Согласно этому проекту, намечалось строительство пяти береговых фортов с ярусами и казематами, имевшими в горже сухой ров. Их планировалось построить на мысах, выступающих в Севастопольскую бухту. Это были «северный форт» – Константиновский – в форме неправильного шестиугольника с каменными одеждами и напротив, на Южной стороне, «южный форт» – Александровский в виде круглой каменной башни. Дальше, на северной стороне, на мысу за Константиновской батареей, еще одна, похожая на последнюю, батарея с земляной горжей. Напротив, на западном мысу, у входа в Артиллерийскую бухту – открытая двухъярусная батарея с бастионным фронтом в горже.

Между Артиллерийской и Южной бухтами на мысу предполагалось построить форт «Николай», на котором планировалось сосредоточить морские запасные и пороховые магазины, морской и крепостной арсеналы.

Кроме этих береговых укреплений, авторы проекта доказывали необходимость строительства усиленных сухопут-

ных фортов на возвышенных местах южной и северной сторон Севастопольской бухты. Это были южный форт «Екатерина» в тылу батареи «Николай» и северный форт «Елизавета» в тылу форта «Константин» на Северной стороне.

На вооружение всех перечисленных укреплений предполагалось поставить 270 орудий, в том числе на береговые батареи – 152 орудия, а на сухопутные – 118.

По приказу Суворова предварительные работы в крепости были начаты в апреле 1793 г., еще до высочайшего утверждения.

Ко времени смерти Екатерины (1796 г.) в Севастополе было построено восемь береговых батарей: Константиновская, Александровская, Николаевская, Павловская, а также батареи № 1 № 2, № № 5, расположенные на мысах тех же названий. Это были земляные временные укрепления, большей частью открытые, состоящие из двух или трех фасов, изломанных по направлению берега. Батареи № 2 № 3 на северном берегу и Николаевская батарея на южном берегу были в виде редутов.

На возвышении за Константиновской батареей находилось довольно обширное земляное укрепление неправильной формы для охраны батарей «Константин» и № 1.

К строительству сухопутных фортов на Северной и Южной сторонах бухты не приступали.

По данным последнего отчета Экспедиции строения южных крепостей, на все постройки и работы, начиная с 1792 г.,

было израсходовано 1 534 046 руб. 27 коп.

10 января 1797 г., согласно Указу императора Павла I, Экспедиция строения южных крепостей России была упразднена. Вскоре строительные работы в Севастопольской крепости были приостановлены, а затем прекращены вовсе, инженера же де Волана уволили со службы.

Стоит отметить, что де Волан прозорливо предусматривал построить береговые батареи во всех крупных бухтах рядом с Севастополем, до Балаклавы включительно, дабы исключить использование этих бухт неприятелем. Увы, мнение фортификатора было проигнорировано, за что Россия жестоко поплатилась в ходе Крымской войны.

Павла бесило все, что было создано его матерью. Как-то Павел патетически спросил Попова, бывшего секретаря Потемкина: как «исправить все зло, свершенное одноглазым»? «Отдать Крым туркам!» – быстро нашелся Попов. По зрелому размышлению Павел отдавать Крым не стал, но специальным указом переименовал Севастополь в Ахтиар. Увы, в ночь на 12 марта 1801 г. Павла Петровича «хватил апоплексический удар». По этому случаю уже к полудню следующего дня в петербургских лавках исчезло шампанское, а вечером горожане устроили иллюминацию. В Ахтиаре же был двойной праздник – по случаю «удара» и в связи с возвращением славного имени Севастополь.

Глава 5

Англо-французский флот атакует Севастополь

В 1834 г. Николай I утвердил план строительства новых и реконструкции старых береговых батарей Севастополя. Работы были начаты уже 1 августа того же года.

Александровская батарея располагалась на Южной стороне на узком длинном мысу в уюда в Севастопольскую бухту. Очертания длинного узкого мыса, на котором стояла батарея, обусловили форму всех ее сооружений. На самой оконечности мыса высилась круглая двухэтажная башня диаметром более 20 м. Ее своды защищала насыпь из грунта, покрытая кровлей из черепицы. 12 орудий из амбразур держали под прицелом акваторию перед рейдом и сам проход в бухту. К башне примыкали одноярусные казематы с открытой платформой для стрельбы через банк. Их выстрелы защищали подходы к рейду. Основания башни и казематов возвышались над уровнем моря на 6 м, а на отметке 14 м возводилась земляная батарея с двумя фасадами для размещения 18 орудий.

По проекту Александровская батарея должна была быть вооружена тридцатью четыремя 24-фунтовыми пушками, тридцатью четыремя однопудовыми длинными единорога-

ми, четырьмя 1/2-пудовыми длинными единорогами, шестью 5-пудовыми мортирами, двумя 6-дюймовыми кугорновыми мортирами и одной 12-фунтовой карронадой.

В 1836 г. началось строительство Константиновской батареи на Северной стороне на мысу, напротив Александровской батареи. В плане укрепление повторяло очертания берега мыса и имело форму подковы. Правый фас укрепления обстреливал акваторию перед рейдом, центральная закругленная часть – вход в бухту, левая назначалась для поражения прорвавшихся на рейд кораблей противника. В двух ярусах размещалось 54 каземата, а над ними платформа для открытой обороны.

На этой батарее было обеспечено постоянное присутствие артиллерийской прислуги в казематах. Каземат длиной 12 м разделялся сквозным проходом на оружейную и жилую части. В последней устанавливали нары и печи в круглых железных футлярах (печи в любое время года обеспечивали положительную температуру для проживавших в казематах солдат).

Горжевую часть защищали ров и две оборонительные казармы. Они соединялись при помощи двух стен с казематами, образуя замкнутую, удобную для обороны территорию. Казармы предполагалось построить по типовому проекту на 250 солдат каждая, с кухнями, пекарнями и складами.

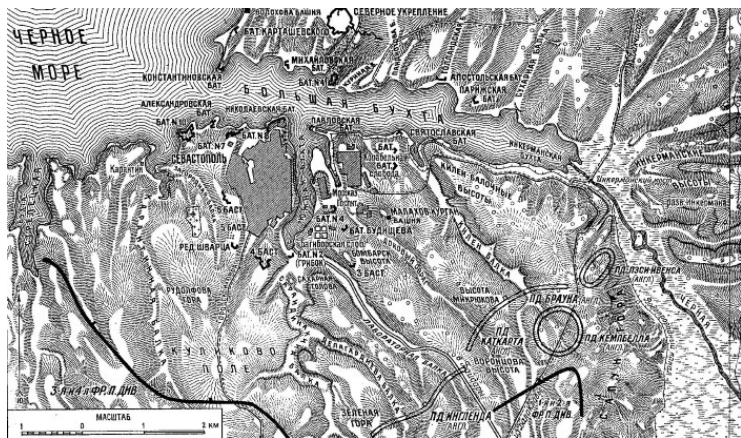
На флангах казематов находились трехэтажные, хорошо защищенные пороховые погреба, а во внутреннем дворе –

большая металлическая емкость для запаса воды.

В 1837 г. было начато строительство Николаевской батареи. Это фортификационное сооружение не имело себе равных во всех приморских крепостях России. Оно располагалось на Николаевском мысе, между Южной и Артиллерийской бухтами, протянувшись на 460 м. Левый двухъярусный фас батареи обстреливал вход на рейд, а правый, трехъярусный, держал под прицелом фарватер рейда и вход в Южную бухту. Там же находились 24 бойницы для ружейной обороны со стороны города. Батарея имела 194 орудийных каземата и 7 бойниц для запуска ракет из полуподвальных помещений на левом фланге.

В 1842 г. началось строительство Михайловской батареи. В Севастопольской крепости она была второй после Николаевской как по размерам, так и по огневой мощи. Главный фас Михайловской батареи длиной более 100 м контролировал вход на рейд, короткий южный фланг действовал по фарватеру рейда, а аналогичный ему северный фланг предназначался для отражения атак с суши. Этим же целям служила оборонительная стена с бойницами для ружей, замыкавшая с горжи двор батареи. Укрепление опоясывал ров, примыкавший к берегам бухты. Он находился под фланговым огнем восьми пушек, установленных в казематах, и большого количества ружей, для которых в стенах боковых крыльев батареи были прорезаны бойницы. Всего на батарее было до 115 орудий разного калибра. Они укрывались в 58 казема-

тах на первом и втором ярусах, а также устанавливались на открытой платформе.

Окрестности Севастополя и укрепления к началу осады

Внутри Михайловской батареи мог быть размещен большой гарнизон. Здесь, как и на других укреплениях Севастополя, в каждом каземате были установлены печи и сделаны деревянные нары. По проекту предусматривалось оборудовать помещения для 750 нижних чинов Артиллерийского ведомства и 23 каземата для проживания офицеров. При необходимости можно было дополнительно разместить батальон пехоты. На первом этаже имелись две кухни с пекарнями и цейхгаузы. В северном крыле, более защищенном от прямых попаданий снарядов, находились склады боезапа-

сов. Для стрельбы калеными ядрами соорудили две ядрока-
лильные печи.

Всего за 10 лет строительства севастопольских береговых
батарей было израсходовано 2 миллиона 484 тысяч рублей.

За то же время на строительство сухопутных укреплений
было истрачено всего 17 тыс. рублей. Однако военная ис-
тория свидетельствует, что большая часть береговых крепо-
стей берется с суши, а не с моря. Вспомним тот же Тулон в
1793 г.

Боевое крещение севастопольских батарей состоялось
5(17) октября 1854 г., когда англо-французский флот ата-
ковал Севастополь с моря. У нас принято считать, что рус-
ские моряки, затопив свои корабли у входа в Севастополь-
скую бухту, сделали невозможным проход вражеских кораб-
лей внутрь ее. На самом же деле затопленные корабли лишь
затруднили вход в бухту, и, подавив береговые батареи рус-
ских, союзники без особых проблем провели бы свои кораб-
ли между затопленных кораблей, а при желании даже могли
их подорвать.

К великому сожалению, до сих пор ни один историк не су-
мел объяснить, почему вместо затопления кораблей в столь
узком месте нельзя было поставить минное заграждение,
управляемое с берега. Ведь мины у русских имелись и ис-
пользовались против союзников на Балтике и в Днепро-Буг-
ском лимане. Ну а, в крайнем случае, почему нельзя было за
несколько месяцев между началом войны с Англией и Фран-

цией и приходом союзного флота к Севастополю построить из бревен и цепей надежное боновое заграждение? Ведь даже в гимназиях учили, что византийцы и турки неоднократно перегораживали цепями Золотой Рог и Босфор.

Именно с Севастополя у нас пошла дурная традиция «героически» топить свои собственные корабли. «Сами взорвали “Кореец”, нами потоплен “Варяг”», в 1918 г. героические моряки затопили эскадру в Новороссийске по мудрому указанию самого Ленина. И опять по этому поводу ставились спектакли и снимался фильм «Гибель эскадры».

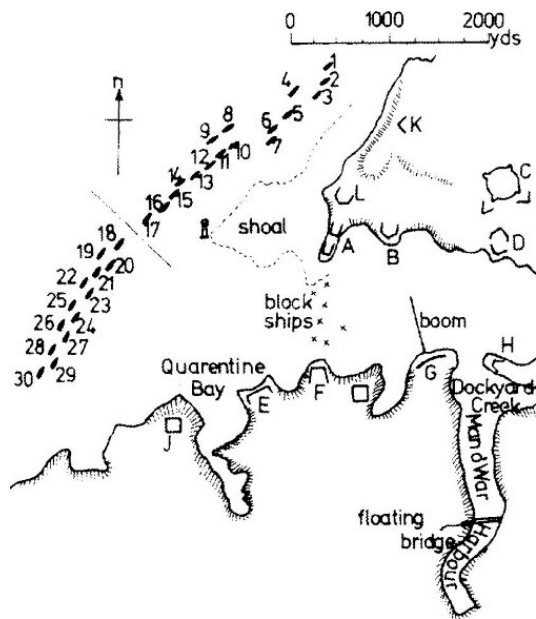
5 октября союзники решили одновременно атаковать Севастополь с моря и с суши. В 7 часов утра сухопутные батареи союзников открыли огонь по сухопутным укреплениям города. Однако флот не смог своевременно занять позиции у русских береговых батарей. Дело в том, что с утра был штиль, а большинство кораблей союзников были парусными, и потребовалось больше времени для буксировки их малыми пароходами. Поскольку союзники считали выход русских кораблей из бухты маловероятным, они сняли значительную часть такелажа со своих кораблей. Это существенно увеличивало живучесть кораблей в бою, но парусные корабли при этом потеряли способность двигаться под парусами и стали фактически плавбатареями, которые могли передвигаться лишь с помощью буксирных пароходов. Любопытно, что пароходы буксировали британские парусные корабли¹⁵

¹⁵ Авторы, именующие парусные или парусно-паровые корабли линейными ко-

не на канатах сзади, а боком (буксиры крепились канатами к левому борту кораблей).

Согласно заранее разработанному плану, французские суда должны были обстреливать укрепления Южной стороны, а английские – Северной. Между французскими находились и немногочисленные турецкие корабли.

Расположение союзных кораблей видно на схеме.

раблями, допускают грубую ошибку. Под кораблем тогда понималось судно, вооруженное от 64 до 130 пушками, далее шли фрегаты, корветы, бриги и т. д. Термин «линейный корабль» появился уже в XX веке.

Расположение союзных кораблей перед атакой Севастополя

Вооружение союзных кораблей состояло из 1244 орудий (см. табл. 1). 5 октября союзный флот атаковал Севастополь с моря. Ему могли отвечать только пять батарей – Александровская, Константиновская, № 1Q № 13 и № 12 (Картошевского). Огонь остальных батарей был малоэффективен. Батареи Николаевская, Михайловская, Павловская и № 4 поначалу открыли огонь, но вскоре прекратили.

На Александровской батарее было 56 орудий, из них: две 3-пудовые бомбовые пушки, одиннадцать 36-фунтовых пушек, шестнадцать 24-фунтовых пушек, четыре 18-фунтовых пушки, девятнадцать 1-пудовых единорогов и четыре 5-пудовые мортиры.

На Константиновской батарее было 91 орудие, из них: пятьдесят 24-фунтовых пушек, тридцать четыре однопудовых единорога, четыре полупудовых единорога, одна 12-фунтовая карронада, две 5-пудовые мортиры.

Таблица 1

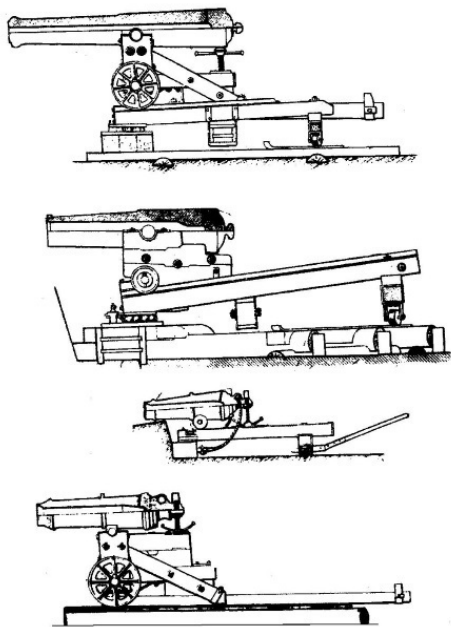
Расположение союзных кораблей 5 октября 1854 г.

№ п/п	Название корабля	Примечание
<i>Британские силы</i>		
1	Terrible	Пароходо-фрегат, 21 орудие
2	Albion	Парусный корабль, 91 орудие
3	Arethusa	Парусный фрегат, 50 орудий
4	Sampson	Парусный корабль
5	London	Парусный корабль, 90 орудий
6	Sanspareil	Винтовой корабль, 70 орудий
7	Agamemnon	Винтовой корабль, 91 орудие
8	Sphinx	
9	Tribune	Винтовой фрегат, 31 орудие
10	Spitfire	
11	Lynx	Винтовой фрегат, 4 орудия
12	Queen	Парусный корабль, 116 орудий
13	Bellerophon	Парусный корабль, 80 орудий
14	Rodney	Парусный корабль, 90 орудий
15	Vengeance	Парусный корабль, 84 орудия
16	Trafalgar	Парусный корабль, 120 орудий
17	Britannia	Парусный корабль, 120 орудий
<i>Французские и турецкие силы</i>		
18	Le Napoleon	Винтовой корабль, 90 орудий
19	Henri IV	Парусный корабль, 100 орудий
20	Махмудие	Турецкий парусный корабль
21	Valmy	Парусный корабль, 120 орудий
22	Ville de Paris	Парусный корабль, 112 орудий
23	Jupiter	Парусный корабль, 86 орудий
24	Friedland	Парусный корабль, 120 орудий
25	Шериф	Турецкий парусный корабль
26	Marengo	
27	Montebello	
28	Suffren	
29	Jean Bart	
30	Charlemanne	Паровой корабль

На батарее № 10 было 58 орудий, из них: две 3-пудовые бомбовые пушки, двадцать девять 36-фунтовых пушек, двенадцать однопудовых единорогов, девять полупудовых единорогов, шесть 5-пудовых мортир.

На батарее № 12 было 5 орудий, из них: одна 36-фунтовая пушка, три однопудовых единорога и один полупудовый единорог.

На батарее № 13, расположенной в каменной башне Волохова, было 10 пушек, из них: восемь 36-фунтовых и две 18-фунтовые.

Русские крепостные орудия, состоявшие на вооружении Севастополя а) 36-фунтовая пушка; б) 3-пудовая бомбовая пушка обр. 1838 г.; в) 36-фунтовая карронада; г) 96-фунтовая карронада

Корабли союзников бомбардировали береговые батареи

Севастополя в течение всего светового дня (около 12 часов). Огонь 11 французских и 2 турецких кораблей, имеющих 746 орудий одного борта, был направлен по преимуществу на батарею № 10 и Александровскую с дистанции 800 сажен (1707 м). Корабли подвергались действию 73 орудий батарей № 10, Александровской и Константиновской.

На следующий день корреспондент британской газеты «Таймс» писал: «Огонь был ужасен. На расстоянии шесть миль шум был похож на грохот локомотива, несущегося на полной скорости, только много сильнее. День был абсолютно безветренным, корабли и батареи окутывал пороховой дым, и зачастую противники не видели друг друга. Огонь время от времени прерывался, чтобы дать рассеяться густому дыму».

5 английских кораблей, стоявших против правого фланга Константиновской батареи, действовали из 259 орудий одного борта с дистанции 650 сажен (1387 м). Они же подверглись действию 54 орудий батарей Константиновской, Александровской и № 10. Из них 18 орудий Константиновской батареи действовали с 650 сажен (1387 м), другие две батареи с 900–950 сажен (1921–2027 м), четыре английских корабля к северо-западу от Константиновской батареи в необороняемом секторе действовали из 169 орудий одного борта с дистанции 450 сажен (960 м). По ним действовали только два орудия Константиновской батареи, 13 орудий батареи № 10 и Александровской, которые стреляли в них с 900–950 сажен (1921–2027 м).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.